

«Мы уверены в том, что нынешнее поколение почитателей таланта великого земляка-писателя умеет отделять зерна от плевел и пронесет чувство уважения к этому замечательному человеку и его труду через многие годы».

Жарасбай Сулейменов

Составление и оформление:
библиограф ЦГБ Алкайдарова Г.Ж.

**КГУ «ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ
БИБЛИОТЕКА ИМ. И. ШУХОВА»**

Адрес: СКО, г.Петропавловск,
ул.Брусилковского,65
Телефон: 8(7152)50-04-11
8(7152)33-19-57

Электронная почта: shuhov_lib@mail.ru

Сайт: <https://shuhovlibrary.sko.kz/>

<https://vk.com/shuhovlibrary>

@shuhov_kitapkhana

<https://www.facebook.com/shuhovlibrary>

<https://www.youtube.com/@shuhovlibrary>

КГУ «ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ И. ШУХОВА»

ИВАН ШУХОВ. КАКИМ ОН БЫЛ?

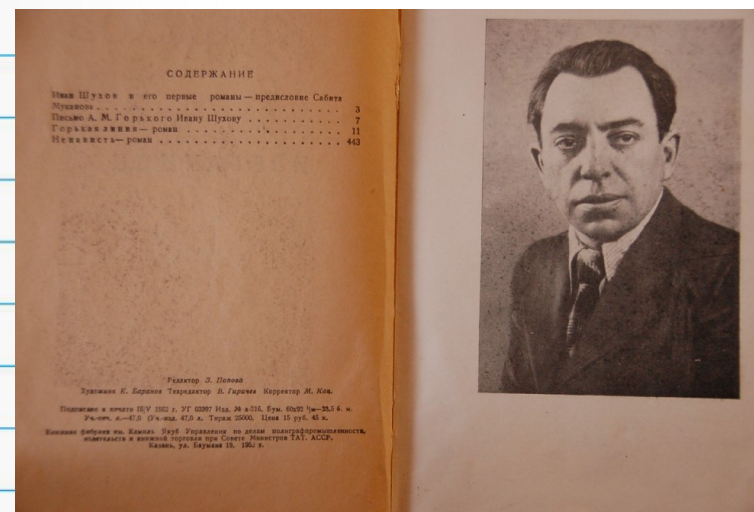
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
СОВРЕМЕННОКОВ

ПЕТРОПАВЛОВСК
2024

Сафуан ШАЙМЕРДЕНОВ:

Мы с ним земляки. Я тоже уроженец Пресновского района Северо-Казахстанской области. Впервые я его увидел в середине сороко-вых годов. Я тогда работал сельским учителем, а он редактировал районную газету. Я написал пространный очерк со множеством стилистических ошибок, где сравнивал два колхоза — один из них был отстающим, другой ходил в передовиках. Принес его Ивану Петровичу. И через два дня мой очерк, выправленный рукой редактора, вышел на целой полосе. А когда в пятидесятые я серьезно стал заниматься литературой, Шухов очень обрадовался. Он видел во мне писателя.

Он любил жизнь во всех ее проявлениях. Про Шухова можно сказать — «его любили женщины», потому что к каждой из них он относился по-рыцарски. Говорю сейчас об Иване Петровиче, а перед глазами картина ноябрьской демонстрации. В это время бывало уже зябко, сыро, а Шухов всегда приходил с солдатской фляжкой, где неизменно был коньяк. Просить нам неудобно — все-таки многим из нас он годился в отцы, а сам Иван Петрович не предлагал. Вот тогда-то и сочинили Гафу Каирбеков и Хамит Ергалиев шутливые стихи. В подстрочном переводе с казахского они звучат так: «Иван Шухов — это тот самый человек, у которого на поясе болтается фляжка. Хочется плакать навзрыд каждый раз, когда глоток из нее делает он, а не ты». Но это так, лирическое отступление. Главное — Иван Петрович был принципиальным, бесстрашным редактором. Цензура была жесточайшей, а он печатал запретные очерки, повести, которые до этого лежали в архивах. Например, повесть Платонова «Джан», очерки брата академика Вавилова, направленные против лысенковщины. Сколько раз Ивана Петровича вызывали «на ковер» в Центральный Комитет, пытались снять с работы, Спасали огромный авторитет и всесоюзная известность.

Сатимжан САНБАЕВ:

Шестидесятые — это особое время. Журналы «Новый мир» и «Простор» были центрами литературной жизни. Здесь печатались не только новинки, но и то, что долгие годы находилось под запретом. Хотя и была хрущевская «оттепель», но тем не менее все тщательно фильтровалось цензурой. Мы, молодые литераторы, часто собирались в кабинете редактора «Просто-а». Иван Петрович любил та-кие посиделки, он их называл школой литературной жизни. При этом бывали разные случаи. Мы засиживались, не замечали, что отнимаем время у редактора. Тогда Иван Петрович начинал часто оглядываться на холодильник, который стоял в его кабинете. Вытаскивал бутылочку коньяка, наливал нам по рюмочке и со словами: «Все. Не мешайте мне работать», выпроваживал.

Иван Петрович был далек от амбиций. Свидетельством этому для меня стало то, что он решил напечатать в одном номере «Простора» две повести на одну тему — свою «Трава в чистом поле» и мою «Колодцы знойных долин». В обеих книгах шла речь о судьбе казачества. Мы спорили с ним на эту тему, часто не соглашались друг с другом, но это никак не отражалось ни на наших личных отношениях, ни на судьбе моих книг.

Инна ПОТАХИНА:

— Каким я сохранила Ивана Петровича в памяти? Таким, что от одного воспоминания становится тепло. Так, будто с отцом повстречалась. Мы, молодые литераторы второй половины шестидесятых, были его детьми. Мои стихи он публиковал без страха, ни на кого не оглядываясь, а это было время очень жесткое. Любое слово — особенно лирическое — было наказуемо. Воспринималось как намек на непристойность даже простое «я люблю» не говоря уж о таких строках, как «охлажденная до жути, без антракта на согрев». Ты что, сказал мне один литератор, намекаешь на рюмку? Ивану Петровичу мои стихи, кстати, тоже не нравились. Но он про таких, как я, говорил: «Пусть, как пишут, так и идет. Они должны посмотреть на себя со стороны. Это главное для движения». То есть в начале публиковал, а потом стегал, да еще как!

Он был крутой, всеобъемлющий. Первый в Союзе опубликовал Мандельштама, Платонова. Это был риск. «Посмотрите, как пишут они — настоящие», - говорил нам Иван Петрович. Люди его типа были очень образованны, прекрасно знали Восток и Запад. Он учил относиться с нежностью к переводам. Именно так я восприняла Торайгырова, когда впоследствии занялась переводами его произведений.

Ко мне он относился с почтением не только как к начинающей и способной молодой рифмоплетке, но и просто как к симпатичной женщине. А почему бы и нет? Как мы с ним танцевали вальс! Сейчас так не танцуют. Это был блеск!

Морис СИМАШКО:

— Когда я слышу или читаю о казаках, то сразу вспоминаю Ивана Петровича Шухова...

Семьдесят лет нас учили, что человечество непримиримо делится по классовому признаку. Такое поперечное деление утверждало, что есть плохие классы людей: дворяне, капиталисты, помещики, кулаки. Потом в развитие этой умозрительной теории стали зачислять в разряд негодных и вредоносных уже целые народы. Так естественно, шли на-встречу друг другу коммуно-имперские и национал-социалистические идеи. И настолько сблизились, что практически трудно стало отличать их друг от друга. А мир, как и было от его сотворения, продолжал делиться по прямо противоположному признаку. Дворянка Салтычиха, медленно обивавшая крутым кипятком раздетых догола крепостных девушек, и дворянин Лев Толстой находились на прямо противоположных полюсах. Это и есть Божье деление мира, и другого не существует.

И еще. Каждый думает о другом народе, группе людей или сословию в меру своей испорченности. Одни считают выразителем дворянства ту же Салтычиху, другие — Толстого. Для меня же именно писатель Шухов был наиболее полным выразителем лучших черт российско-казахского казачества. Благородство характера, мудрое отношение к жизни, незаемная, а природная талантливость во всем и прежде всего в деле его жизни — литературе. Он любил и осваивал ее, как предки его любили и осваивали землю, отдавая ей всего себя. И чтобы там ни говорили, именно казаки в силу своей истории больше других склонны к мирному сожительству с другими народами. Лучшими друзьями Шухова были его земляки — казахские писатели Габит Мусрепов, Сабит Муканов. И не только казахские писатели. Его знали и любили во всей многонациональной литературе, которую принято именовать советской...

Илья ШУХОВ.

Сабит Муканов - Иван Шухов: дороги, годы, книги...

Отец и Сабит Муканов... Смотрю на старую, начала пятидесятых годов, фотографию, запечатлевшую их обо-их за дружеским столом в Пресновке, в саду отцовской усадьбы, и вспоминается давнее-давнее.

...Было мне лет тринадцать. Однажды летним днем в Пресновку въехала синего цвета «Победа». Она еще пы-лила из противоположного края по немощеным станич-ным улицам, а звонкий ребячий узункулак разнес эту но-вость во все концы. Отец знал, что должен был прибыть Сабит Муканов, предпринявший тем летом дальнее путе-шествие на родину из Алма-Аты через весь Казахстан на собственном автомобиле. Мы вышли за ограду встречать гостей, и вскоре они подъехали. За рулем сидел знако-мый нам приветливый, обаятельный мукановский шофер Турсун. А пассажиров было трое: Сабит Муканович и его сыновья – средний Марат и младший, мой ровесник, Ботажан, которого мы, вслед за Иваном Петровичем, сразу же стали называть ласково – Букашкой.

Муканов с отцом дружески обнялись, расцелова-лись. Веселый, оживленный, с нетерпением ожидаю-щий встречи с земляками, гость тут же сговорил отца, не мешкая, ехать вместе с ним. И спустя какие-нибудь два часа мы уже двигались кортежем из двух машин (у отца тоже была новокупленная «Победа») к родному мукановскому аулу.

Помню: справа – березовый лесок, слева – неболь-шое продолговатое озерко, а прямо вдоль дороги – два ряда не слишком примечательных, приземистых стро-ений. Проследовав этой единственной пустынной ули-цей, остановились в конце ее у дома с деревянной кры-шей, с закрытыми наглухо выцветшими на солнце став-нями. Здесь жил родной брат Муканова. Он и показал-ся на пороге – худощавый, скромный, улыбающийся.

И все в доме сразу же пришло в движение. У крыльца появились женщины с кумганами и полотенцами, и пут-ники с удовольствием принялись умываться с дороги.

Мы провели в ауле несколько дней, сполна ознако-мившись с традиционными обычаями казахского гос-теприимства. Сабита Муканова и отца везде встречали с большим почетом, усаживали на торе – месте для особо уважаемых гостей...

Их, двух писателей-земляков, связывали общие ли-тературные дела и интересы. Плодом творческого содружества были переведенные отцом на русский язык две полномасштабные мукановские книги – «Ботагоз» и «Мои мектебы». Остались и их статьи, посвященные творчеству друг друга...

Позднее, в своей автобиографической повести «Отмерцавшие марева» отец опишет запавшие в память на всю жизнь события деревенского детства – поездку с родителями из Пресновки в провинциальный город Кокчетав и свою первую встречу в гостеприимном при-дорожном ауле белобородого аксакала Торсана со сверстниками, будущими известными казахскими пи-сателями Габитом Мусреповым и Сабитом Мукановым.